

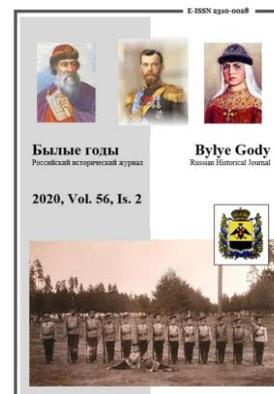
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 549-557. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.549
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Foreign Context of the Integration Process of Finland into the Russian Empire

Mikhail S. Belousov ^{a, *}, Yasyn S. Abdullaev ^a

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to an important element of the Russian autocracy's policy in the ethno-confessional area – the accession of the Grand Duchy of Finland and the establishment of its autonomous governance in Russia. Since the pre-revolutionary period, Russian historiography has tended to attribute a liberal attitude to Finland to the peculiarities of the socio-political views of emperor Alexander I, who allegedly planned to extend the constitutional order to the whole country at a certain period of his reign. Unlike Russian historians, Western experts interpret the development of the Finnish course of tsarism as a result of the prevailing international situation at that time. The authors of this study have attempted to analyze this problem from the second point of view. They conclude that the grant of Finland's considerable share of political independence stemmed from the imperial government's desire to stabilize the situation on the North-Western borders as much as possible in anticipation of a large-scale conflict with Napoleonic France. In the future, the influence of the external factor on the actions of the authorities in the region remained, although it changed its content—from the alliance with Sweden to the fear of the revolutionary threat from the West and the struggle against the European press.

Keywords: Grand Duchy of Finland, Russian Empire, Alexander I, national policy, international relations, autonomy, constitution, Finnish War.

1. Введение

В царствование Александра I Финляндия войдет в состав Российской империи. А спустя практически столетие российский император – «сфинкс, не разгаданный до гроба» – станет восприниматься одним из освободителей и создателей национального государства финнов. Тем не менее дуализм его политики, выраженный известной метафорой П.А. Вяземского, получит отражение и в процессе этой вновь приобретенной национальной окраины. В историографии разгорятся жаркие споры: что стало основным фактором такой чрезвычайно успешной политики? Попыткой подвести итог данной дискуссии и является предлагаемая статья.

2. Материалы и методы

Анализ ключевых мотивов и обстоятельств реализации процесса интеграции Финляндии в состав империи можно определить как основную цель исследования. Методологическая основа – широкий компендиум исторических и историографических приемов. Историко-сравнительный метод дает возможность сопоставить мероприятия, проводимые в Финляндии, с действиями в других регионах – национальных окраинах, присоединенных в этот же период. Метод историографического анализа подразумевает стремление выявить основные точки зрения на рассматриваемую проблему и проследить эволюцию представлений о процессе интеграции Финляндии. Как и большинство новейших исследований, посвященных изучению империй и имперской политики на национальных окраинах, данная работа выполнена в формате кейс-стади. Все внимание здесь сосредоточено на

* Corresponding author

E-mail addresses: m.belousov@spbu.ru (M.S. Belousov)

Великом княжестве Финляндском и анализе корреляции курса его развития с важнейшими эпизодами из внешнеполитической жизни России. Из использованных в исследовании материалов мы можем выделить такие опубликованные источники, как изданные в 1903 г. «Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии» (Шиловский, 1903) и отдельные выпуски альманаха «Русская старина» (Император Александр I..., 1896: 139-157).

3. Обсуждение

Об истории присоединения и пребывания Финляндии в составе Российской империи написано немало работ и иностранными, и отечественными специалистами. Говоря о российской историографии, мы не можем не отметить ярко выраженной в ней тенденции к преувеличению влияния внутренних факторов относительно политики Александра I в новоприобретенном регионе.

Историк-эмигрант Г.В. Вернадский в своем фундаментальном труде «Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г.» отстаивает точку зрения о наличии у российского самодержца полноценной политической программы, заключающейся в планомерном и постепенном распространении на территории России конституционных порядков. По мнению Вернадского, сохранение за Великим княжеством Финляндским либеральных установлений являлось апробацией, одним из незначительных шагов по конституционализации политического пространства империи, венцом которой должно было стать издание Государственной уставной грамоты (Вернадский, 1925: 1-3, 14-18).

М.М. Бородкин, автор многотомной «Истории Финляндии», охватывающей временной период с начала XVIII в. и вплоть до 1881 г. (Бородкин, 1909; Бородкин, 1915), был склонен приписывать уступки в отношении финляндских элит лично императору Александру I. По его мнению, либеральные взгляды царя зачастую шли вразрез с русскими национальными интересами. Так, Бородкин крайне негативно оценивал факт передачи Выборгской губернии Великому княжеству Финляндскому (Бородкин, 1909: 385-396). Интересно, что даже такие разные по своим общественно-политическим воззрениям историки, как Бородкин и Вернадский, одинаково видели истоки автономии Финляндии во внутривластных идеях Александра I.

Аналогичные паттерны мы наблюдаем в советской и современной историографии. Так, С.В. Мироненко причисляет Финляндию, где «были сохранены сейм и конституционное устройство», к одному из первых и успешных «конституционных опытов» Александра I, составлявших часть его обширных либеральных проектов (Мироненко, 1989: 163). Л.В. Суни, уделяя определенное внимание внешней политике, ключевые приоритеты в вопросе выбора имперского курса на северо-западе в начале XIX в. отдает вопросам внутренней национальной безопасности (Суни, 2013: 38-40). Примерно то же самое можно сказать и о Т.В. Андреевой: в работе о Николае I и финляндском вопросе в 1830–1831 гг., несмотря на очень интересные размышления о контрпропаганде западной прессы (см. ниже), исследователь все-таки предпочитает больше говорить о неких новых стратегиях построения имперской государственности (Андреева, 2015: 61-65). Пожалуй, единственным исключением среди отечественных авторов можно назвать И.И. Кяйвярайнен, монография которого в совершенно ином свете трактует важность учета международной обстановки при анализе финляндской политики самодержавия в 1808–1809 гг. (Кяйвярайнен, 1965). К сожалению, историк ограничивается очень узким отрезком времени.

Зарубежные специалисты в большинстве своем предпочитают оценивать обозначенную проблематику в противоположном направлении. Так, в статьях и рецензиях А. Райана, Х. Бремса и М. Ринталы подчеркивается решающая роль международной политики и расстановки сил на стратегической карте Европы в развитии Финляндии (Ryan, 1964: 869-870; Brems, 1971: 1-19; Rintala, 1976: 195-197). О примате значимости обеспечения безопасности на северо-западной границе Российской империи писал выдающийся исследователь империй и национализма А. Каппелер (Каппелер, 2000: 78). Важность упомянутых аспектов в дальнейшей судьбе Великого княжества Финляндского неоднократно отмечал современный финский историк М. Клинге в работе «Имперская Финляндия» (Клинге, 2005: 33-34).

4. Результаты

Французская революция 1789 г. и последовавшие за ней события явились закономерной причиной начала Наполеоновских войн, затронувших всю мировую политику в начале XIX в. После поражения российской армии в битве под Фридрихсборгом в июне 1807 г. Александр I был вынужден пойти на заключение Тильзитского мирного договора с Францией. В одном из пунктов соглашения было сказано, что Россия обязуется оказывать воздействие на те страны Европы, которые к тому моменту еще не присоединились к континентальной блокаде против Великобритании. К осени 1807 г. в числе таковых оставалась только Швеция. Несмотря на значительное дипломатическое давление, шведский король Густав IV Адольф отказывался пойти на сближение с Наполеоном (Рогинский, 2012: 132). После очередного отвергнутого шведами ультиматума в феврале 1808 г. русские войска под командованием Ф.В. фон Буксгевдена перешли границу с Финляндией.

Вот так, в силу сложных международных обстоятельств, и началось присоединение к Российской империи территорий современной Финляндии. Царю Александру в ходе данных событий предоставлялась уникальная возможность закончить начатое еще в XIII в. русско-шведское соперничество в Балтийском регионе, а кроме того, значительно повысить защищенность Санкт-Петербурга и с моря, и с суши. Как мы сможем убедиться в дальнейшем, все внутривластные преобразования императора в новоприсоединенных землях будут связаны именно с внешним фактором, который особенно актуализируется в 1812 г. Так или иначе, но Россия в начавшейся войне стремительно побеждала. К декабрю 1808 г. Финляндия перешла под полный контроль русских частей.

Александр I добился от Наполеона санкции на аннексию финских территорий еще до окончательной победы над Швецией, осенью 1808 г. на конгрессе в Эрфурте. При этом наметившийся разрыв в отношениях двух императоров мотивировал российского монарха заняться активным решением финляндского вопроса по прибытии в Петербург (Вандаль, 1910: 479-482). Как отмечает И.И. Кяйвярайнен, противоречия, обнаружившиеся между союзниками в Эрфурте, привели к изменению приоритетов России в войне (Кяйвярайнен, 1965: 214-215). Теперь ее основной целью виделось не принуждение Швеции к тильзитской системе и «задабривание» Бонапарта, а полноценное присоединение Финляндии и обустройство в ней военного и государственного управления. Понимая, что конфликта с Францией не избежать, Александр I решает использовать достигнутые на фронте результаты для укрепления стратегического положения на северо-западе. Приведенные обстоятельства и послужили основным источником преобразовательского потенциала царя в отношении Финляндии.

Еще в марте и июне 1808 г. были изданы Манифесты о присоединении Финляндии, провозглашавшие официальный курс Петербурга на скорейшее признание факта пребывания этой провинции в составе Российской империи и ее внутреннее умиротворение (Шиловский, 1903: 127-134). Бывший шведский военачальник Г.М. Спренгтпортен, с конца XVIII в. числившийся на российской службе, сразу же предложил созвать в Або (Турку) специальную депутацию от всех финских сословий для обсуждения важнейших вопросов по инкорпорированию региона. Примечательно, что в июне его идею никто не поддержал, но уже в сентябре 1808 г., «когда на горизонте вновь стала просматриваться возможность противостояния с Францией», Александр I распорядился, чтобы финские представители оказались в Петербурге к тому моменту, как он вернется туда из Эрфурта (Суни, 2013: 17).

Депутация состояла из 22 человек, собранных из числа дворян, духовенства, городских обывателей и крестьян, а также по одному представителю от университета и надворного суда. Возглавлял ее бывший участник Аньяльского союза К.Э. Маннергейм. 17 (29) ноября 1808 г. император Александр I принял финских депутатов в Аничковом дворце. Современный финский историк О. Юссила отмечает, что данное событие сыграло значительную роль в истории Финляндии (Юссила, 2009: 63-64). Хотя представители от сословий выбирались русской военной администрацией, а встреча с царем во многом носила чисто церемониальный характер, тем не менее им удалось прийти к некоторым результатам. Так, была достигнута договоренность об обязательном созыве в скором времени сейма. Александр I публично пообещал сохранить прежние шведские законы, лютеранскую религию и привилегии сословий. Кроме того, специальный комитет при царе рассмотрел и одобрил составленную депутатами памятную записку, содержащую перечень вопросов (всего 17), подлежащих первоочередному решению при присоединении Финляндии. О. Юссила видит в факте приема депутации Александром I элемент «договорных отношений», заложивших фундамент самоуправления Финляндии. Он сравнивает работу финских депутатов с «актом капитуляции», который Петр I заключил с представителями Эстляндии и Лифляндии в 1710 г. (Юссила, 2003: 65). Все это стало возможным из-за увеличившейся военной угрозы со стороны империи Наполеона.

В то же самое время происходит инсталлирование основ системы административного управления краем. 19 ноября (1 декабря) 1808 г. император назначает Г.М. Спренгтпортена первым генерал-губернатором Финляндии. Последний в свою очередь составляет проект об организации временной администрации, который после поправок со стороны А.А. Аракчеева и К.Ф. Кнорринга становится «Положением об учреждении главного управления в Новой Финляндии» (Бородкин, 1909: 188). Планировалось учредить Комитет главного управления, куда должны были войти 12 лиц местного происхождения и генерал-губернатор. Особо важно отметить, что Спренгтпортен продвигал идею о подчиненности Комитета напрямую императору, в обход русским министерствам. Аракчеев и Кнорринг были резко не согласны и рекомендовали не нарушать принцип общеимперского единства (Бородкин, 1909: 188). Однако последнее слово оставалось за царем.

Александр I осознавал неизбежность столкновения с Наполеоном. К осени 1808 г. Россия успела сосредоточить в Белостоке и его окрестностях почти 70 тыс. солдат. Под влиянием внешнеполитического фактора император был готов идти на незначительные уступки (Вреms, 1971: 3), и поэтому он утвердил проект Спренгтпортена, а 19 ноября (1 декабря) 1808 г. издал декрет, согласно которому все дела, касающиеся Финляндии, докладывались сразу и непосредственно самодержцу (Бородкин, 1909: 188-189). В сущности, данный акт положил начало складыванию того

обособленного положения, «автономии» Финляндии, какое она занимала в составе Российской империи вплоть до конца XIX в. 25 декабря 1808 г. (6 января 1809 г.) Александр I официально принял титул великого князя Финляндского. Его докладчиком по финляндским делам был назначен М.М. Сперанский.

Помня о дарованных депутации обещаниях, царь Манифестом от 7 (19) января 1809 г. провозгласил созыв сейма («общего ландтага»), который планировалось открыть в марте в Борго (Порвоо) (Шиловский, 1903: 135-136). Начавшаяся франко-австрийская война, заканчивавшееся перемирие со Швецией, конфликт с Турцией – все эти события еще более подталкивали самодержавие укреплять свое положение в Финляндии путем признания ее «особых прав» (Кяйвярйнен, 1965: 228). Как писал А. Каппелер, значимым стимулом в проведении либеральной политики в отношении Великого княжества являлась необходимость «обеспечить безопасность северо-западного фланга империи» (Каппелер, 2000: 78). Причем и Каппелер, и Юссила, упоминая финскую автономию, отрицают установление в регионе «конституционной монархии». По мнению финского историка, речь, скорее, шла о взаимном признании: законов и сословных прав населения Финляндии – Александром I, легитимности абсолютной власти монарха – со стороны представителей финляндских сословий (Юссила и др., 2010: 25-26).

Такое «признание» в публичной форме и состоялось на сейме, открытом 15 (27) марта 1809 г. Там были обсуждены важнейшие военные, налоговые и административные вопросы (Суни, 2013: 21-25). В июле того же года состоялось его торжественное закрытие. Тем временем в Швеции произошел государственный переворот – Густав IV Адольф был свергнут. Весной 1809 г. русская армия начала наступление, что принудило шведов начать переговоры. Они завершились 5 (17) сентября 1809 г. подписанием Фридрихсгамского мирного договора, по которому вся так называемая «Шведская (Новая) Финляндия» вместе с Аландскими островами отходила Российской империи. Успешное развитие событий на фронте шло параллельно с созданием постоянной администрации провинции. 20 сентября (2 октября) 1809 г. приступил к исполнению обязанностей финляндский Императорский правительствующий совет (в дальнейшем – Императорский сенат) – основной орган исполнительной власти на территории Великого княжества (Клинге, 2005: 26). Таким образом, в Финляндии постепенно сложилась гибкая и относительно автономная система управления, состоявшая из Сената и генерал-губернатора на месте и статс-секретаря (с 1834 г. – министр-статс-секретарь) в Петербурге.

Точно так же, как и во время русско-шведской войны 1808–1809 гг., внешнеполитические обстоятельства определяли политику самодержавия в Финляндии и после ее окончания. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на некоторые из важнейших событий, произошедших в регионе накануне вторжения Наполеона в Россию.

Одно из них – передача в состав Великого княжества Финляндского так называемой «Русской (Старой) Финляндии», т.е. Выборгской губернии, в которую входили обширные территории Карельского перешейка и Северного Приладожья. Они были присоединены к России по итогам Северной войны и русско-шведской войны 1741–1743 гг. Первоначально идею об «округлении» Финляндии в старых границах высказал Г.М. Спренгтпортен (Юссила, 2009: 81). Он полагал, что это позволит России получить надежный форпост с лояльным населением, прикрывающий подступы к Санкт-Петербургу. В дальнейшем задумку Г.М. Спренгтпортена активно поддержал Г.М. Армфельт, шведский чиновник, перешедший на русскую службу и возглавивший Комиссию финляндских дел (Каллейнен, 2018: 57).

Исследователи подчеркивают, что с самого начала XVIII в. административно-территориальные изменения в Выборгской губернии происходили сугубо в рамках дипломатической конъюнктуры (Тимченко, 2015: 163-166). И на этот раз Александр I принял непопулярное среди высших кругов Петербурга (Бородкин, 1909: 383-390) решение для того, чтобы, с одной стороны, добиться еще большей лояльности со стороны финляндских элит, а с другой – улучшить отношения со Швецией в преддверии надвигающегося конфликта с Францией. Создание единой Финляндии, как справедливо замечает Л.В. Суни, должно было показать местным жителям все «преимущества ее вхождения в состав новой метрополии» (Суни, 2013: 40). Для шведов же данный шаг служил символом того, что царь рассматривает данный регион как буферную территорию и что он не заинтересован в дальнейшем расширении на северо-запад (Клинге, 2005: 33-34). В итоге 11 (23) декабря 1811 г. был издан указ о включении Выборгской губернии в Великое княжество Финляндское. Некоторое время спустя, в ходе тайных переговоров в Петербурге и Стокгольме весной-летом 1812 г., Россия и Швеция заключили фактический союз (Рогинский, 1978: 78-79).

В идентичном контексте мы рассматриваем также и решение императора о переносе столицы Великого княжества из Або в Гельсингфорс (Хельсинки), принятое в апреле 1812 г. Основным мотивом для реализации упомянутого мероприятия в глазах Александра I являлся куда более высокий оборонительный потенциал Гельсингфорса (Рахикайнен, 2017: 54). Свеаборг, представлявший из себя мощную военно-морскую крепость, должен был стать одним из защитных рубежей новой столицы, недалеко от которой он находился. В отличие от Або, в котором прошведские настроения оказывались очень сильны, сгоревший в 1808 г. Гельсингфорс предстояло отстраивать

практически с нуля (Клинге, 2005: 52), и каких-либо препятствий для его превращения в «русский императорский» город там не имелось. В скором времени туда будут перенесены университет и Сенат. Г.М. Армфельт писал, что среди городской верхушки Або было очень много противников переезда (Император Александр I..., 1896: 152-154). Тем не менее, император Александр I настоял на своем в очередной раз, исходя из военно-стратегических факторов.

Одним из событий, вызвавших большое замешательство и неоднозначные чувства со стороны жителей Финляндии, стало назначение в 1823 г. новым генерал-губернатором Великого княжества российского генерала А.А. Закревского. Сам Закревский называл Финляндию «моей Сибирью», назначению не обрадовался, считая его признаком попадания в немилость к государю (Высочков, 2004: 22-23; Юссила, 2009: 190). Он не знал никаких языков, кроме русского, был плохо образован, по карьерной лестнице поднимался исключительно благодаря личным знакомствам, не обладал специальными навыками или знаниями, необходимыми для управления краем (Lincoln, 1975: 317). Почему же тогда выбор пал на него? Как показывают сами финские историки, говорить о какой-либо «русификации» или тенденции на жесткую интеграцию региона в состав империи в период администрации Закревского особо не приходится (Суни, 2012: 133-134). Ему удалось добиться права прямого доклада императору, а его активность на посту генерал-губернатора способствовала определенной централизации. Представляется, что не стоит преувеличивать степень ограничения Закревским финской автономии. Например, несмотря на частые препирательства с тем же Р.Х. Ребиндером, большинство проектов последнего в итоге оказались реализованы (Суни, 2018: 461).

Истинные мотивы назначения А.А. Закревского стоит опять же искать в контексте международной обстановки. В начале 1820-х гг. в Европе разразилась череда революций: в Испании, Португалии, Неаполе и Пьемонте. Непокойно было в Пруссии и германских государствах, где давно существовало движение за конституционное ограничение монархий. Известно, что произошедшие в октябре 1820 г. беспорядки в Семеновском полку Александр I склонялся приписывать действиям карбонариев и тайных обществ (Андреева, 2009: 487-514). В 1822 г. был издан указ, запрещающий деятельность любых тайных обществ и масонских лож. Происходит резкое переформатирование дискурса русской власти, отход от всего, что могло напоминать политику «конституционной дипломатии» и либеральные реформы (Потапова, 2017: 330-363).

Императору становится свойственна шпиономания и постоянные поиски революционеров в стране. Именно с этими настроениями он и отправил А.А. Закревского в Финляндию. Пользовавшийся доверием, русский, типичный военный по складу ума, консервативно настроенный монархист, не имевший никаких связей с финляндскими элитами – такой человек лучше всего подходил для того, чтобы следить за порядком в Великом княжестве, представлять там имперскую власть и в крайнем случае, суметь нейтрализовать активизировавшиеся тайные общества. После того как в 1831 г. А.А. Закревского сменил А.С. Меншиков, сенатор К.И. Фишер, возглавлявший петербургскую канцелярию генерал-губернатора, вспоминал: «Приняв дела, нашел в них целый архив шпионской системы Закревского» (Высочков, 2003: 47).

При новом генерал-губернаторе в Финляндии ужесточились правила цензуры, был ограничен список иностранной литературы, разрешенной к ввозу в страну (Бородкин, 1915: 594-596). В 1824–1825 гг. Закревский начал вводить первые запреты на перемещения финских студентов, организовал негласный надзор для мониторинга их «морального состояния». Он действительно сумел создать систему тайных информаторов и перлюстрации частной переписки, благодаря которым находился в курсе большинства важных событий в регионе. Например, уже в 1823 г. Закревскому удалось получить сведения о существовании так называемой «Лиги Маннергейма» – некоего собрания, соединившего в себе ряд видных чиновников местной администрации (Суни, 2013: 73-76). Не изменив автономного положения Великого княжества Финляндского, во всяком случае *de jure*, А.А. Закревский под влиянием трансформации курса Александра I всерьез занялся ужесточением контроля над культурной и общественно-политической сферой.

Наконец, стоит обратить внимание на еще один эпизод. В ноябре 1825 г. Николай Павлович, получив известие о смерти старшего брата, спешно организовал присягу Константину Павловичу, чем нарушил традицию и порядок передачи престола (Belousov, 2018: 356-357). 30 ноября (12 декабря) 1825 г. А.А. Закревский провел в Гельсингфорсе присягу новому царю по общероссийскому формату (Бородкин, 1915: 13). Таким образом генерал-губернатор хотел символически показать единство провинции со всей империей. А далее последовала развязка политического кризиса междуцарствия: 12 (24) декабря 1825 г. Николай принимает окончательное решение занять трон, готовится Манифест о его восшествии на престол, и тогда же он подтверждает законы и сословные права, которыми пользовались жители Финляндии (Андреева, 2015: 62). Чем это могло быть вызвано? Отвечая на данный вопрос, можно полностью согласиться с мнением Т.В. Андреевой, которая верно подметила, что для новоиспеченного монарха в тот момент важнейшим являлся вопрос, насколько его приход к власти будет выглядеть законным в глазах российских подданных, а также иностранных дипломатов и общественности (Андреева, 2015: 63). Вследствие этого, опасаясь прецедентов отказа от присяги, Николай решил публично заявить о сохранении всех привилегий Финляндии, чтобы добиться

лояльности ее населения. Внешний фактор снова определил тренды политики самодержавия в Великом княжестве.

Примечательно, что и в дальнейшие годы правления Николая I ситуация в Финляндии будет зависеть от схожих обстоятельств. Так, в 1830–1831 гг., когда на Западе гремели революции во Франции и Бельгии, а в России вспыхнуло собственное восстание в Царстве Польском, русский монарх решил использовать северо-западную оконечность своей империи в качестве основы для конструирования пророссийской пропаганды в медиапространстве. Посредством подкупа редакторов европейских газет, через зарубежных агентов III Отделения и частных персон, совершавших поездки за границу, царское правительство производило нарративы, направленные против либеральной печати, утверждавшей, что российский режим ослаб и «всемирный заговор революционеров» способен его расшатать (Андреева, 2015: 70).

Выстраивая образ спокойной и процветающей Финляндии, являющейся надежным оплотом империи, Николай I хотел показать, что события в Польше носят уникальный по меркам России характер и что в других провинциях государства все в полном порядке. В данном контексте финны, имевшие автономное положение, но при этом сохранявшие верность престолу, действительно смотрелись в выгодном свете. Естественно, что в описанных условиях и речи быть не могло об ограничении самостоятельности Великого княжества Финляндского.

5. Заключение

Перейдем к основным итогам настоящего исследования. В отечественной историографии сложилось устойчивое представление о том, что ключевые истоки имперского курса самодержавия в отношении Великого княжества Финляндского лежали во внутривластной области. Многие авторитетные специалисты интерпретировали происходившие в Финляндии события как лабораторные эксперименты Александра I по инсталлированию конституционных режимов в локальных масштабах с перспективой дальнейшей экстраполяции на всю Россию. Тем не менее, среди большинства западных исследователей доминирует более прагматичный взгляд на затрагиваемый круг проблем. По их мнению, закрепление за Финляндией автономного положения в первую очередь было предопределено текущей обстановкой на международной арене.

Проведенный нами анализ основных мероприятий царского правительства на финских территориях с момента их присоединения к России и вплоть до воцарения Николая I позволяет прийти к выводу, что основной целью внутренней и внешней политики российского императора стало укрепление стратегического положения во всех регионах страны. Создание основ самостоятельности Финляндии пришлось на период войны со Швецией и осложнения отношений с Наполеоном. Именно поэтому он пошел на дарование широких привилегий финляндской элите: чтобы добиться их расположения и лояльности в преддверии надвигающегося конфликта с Францией. Впоследствии содержание внешнего фактора могло меняться (боязнь «всемирной революции», контрпропаганда либеральной западной прессы), но его абсолютное влияние сохранялось. Геополитические амбиции российского самодержавия оставались главным аспектом в его политике в отношении Великого княжества Финляндского на протяжении всей первой половины XIX в.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России». Проект № 15-18-00119.

Литература

Андреева, 2015 – Андреева Т.В. Николай I и финляндский вопрос. 1830–1831 гг. // *Петербургский исторический журнал*. 2015. № 2 (06). С. 52-78.

Андреева, 2009 – Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в. *Правительственная политика и общественное мнение*. СПб., 2009. 912 с.

Бородкин, 1909 – Бородкин М.М. История Финляндии. Время Александра I. СПб., 1909. 635 с.

Бородкин, 1915 – Бородкин М.М. История Финляндии. Время Николая I. Пг., 1915. 716 с.

Вандаль, 1910 – Вандаль А. Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во время Первой империи. Т. 1. От Тильзита до Эрфурта. СПб., 1910. 534 с.

Вернадский, 1925 – Вернадский Г.В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. Прага, 1925. 279 с.

Высочков, 2003 – Высочков Л.В. «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское / *Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы IV ежегодной международной научной конференции*. СПб., 2003. С. 44-52.

Высочков, 2003 – Высочков Л.В. Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823–1831) / *Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы V ежегодной международной научной конференции*. СПб., 2004. С. 18-31.

- Император Александр I..., 1896 – Император Александр I и граф Армфельт, 1811–1812 гг. // *Русская старина*. 1896. № 10. С. 139-157.
- Каллейнен, 2018 – Каллейнен К. «Финляндия должна быть спасена от полного уничтожения!» – Роберт Хенрик Ребиндер как защитник интересов Финляндии в Санкт-Петербурге в 1811–1841 гг. // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2018. № 18–2. С. 53-65.
- Капеллер, 2000 – Капеллер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. 344 с.
- Клинге, 2005 – Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. 614 с.
- Кяйвярйянен, 1965 – Кяйвярйянен И.И. Международные отношения на Севере Европы в начале XIX в. и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск, 1965. 282 с.
- Мироненко, 1989 – Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. 240 с.
- Потапова, 2017 – Потапова Н.Д. Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017. 416 с.
- Рахикайнен, 2017 – Рахикайнен М. Хельсинки (Гельсингфорс) в зеркале имперского Санкт-Петербурга // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2017. Т. 1, № 1. С. 52-71.
- Рогинский, 2012 – Рогинский В.В. Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн 1805–1815 гг. М., 2012. 516 с.
- Рогинский, 1978 – Рогинский В.В. Швеция и Россия. Союз 1812 года. М., 1978. 173 с.
- Суни, 2013 – Суни Л.В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск, 2013. 137 с.
- Суни, 2012 – Суни Л.В. Генерал-губернатор А.А. Закревский. Встреча с Финляндией // *Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа. Сборник научных статей*. Петрозаводск, 2012. С. 133-144.
- Суни, 2018 – Суни Л.В. Рец. на кн.: Kalleinen K. Suuriruhtinaskunnan etuvartiossa: ministerivaltiosihteerin R. H. Rehbinder Suomen etujen puolustajana Pietarissa 1811–1841. Helsinki: SKS, 2017. 308 s. // *Альманах североевропейских и балтийских исследований*. 2018. № 3. С. 459-462.
- Тимченко, 2015 – Тимченко К.В. От Выборгской провинции до Финляндской губернии: первые шаги инкорпорации финляндских земель в состав России // *Вестник Брянского государственного университета*. 2015. № 1. С. 163-166.
- Шиловский, 1903 – Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. 145 с.
- Юссила, 2009 – Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917. Хельсинки, 2009. 844 с.
- Юссила и др., 2010 – Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–2009. М., 2010. 471 с.
- Belousov, 2018 – Belousov M.S. Political Allusions in the Decembrist Revolt // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63, вып. 2. С. 345-360.
- Brems, 1971 – Brems H. Great-Power Tension and Economic Evolution in Finland since 1809 // *Journal of Economic Issues*. 1971. Vol. 5, no. 4. Pp. 1-19.
- Lincoln, 1975 – Lincoln B.W. The Ministers of Nicholas I: A Brief Inquiry into their Backgrounds and Service Careers // *Russian Review*. 1975. Vol. 34, no. 3. Pp. 308-323.
- Rintala, 1976 – Rintala M. Review. The Political History of Finland 1809–1966 by L.A. Puntala and David Miller // *Journal of Baltic Studies*. 1976. Vol. 7, no. 2. Pp. 195-197.
- Ryan, 1964 – Ryan A. Review. Finland in European Politics in 1809–1815 by Päiviö Tommila // *English Historical Review*. 1964. Vol. 79, no. 313. Pp. 869-870.

References

- Andreeva, 2009 – Andreeva T.V. (2009). Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX v. Pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe mnenie [Secret societies in Russia in the first third of the 19th century. Government's policy and public opinion]. SPb., 912 p. [in Russian]
- Andreeva, 2015 – Andreeva T. V. (2015). Nikolai I i finlyandskii vopros. 1830–1831 gg. [Nicholas I and the Finnish Question. 1830–1831]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 2 (06), pp. 52-78. [in Russian]
- Belousov, 2018 – Belousov M.S. (2018). Political Allusions in the Decembrist Revolt. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 63, Is. 2, pp. 345-360.
- Borodkin, 1909 – Borodkin M.M. (1909). Istoriya Finlyandii. Vremya Aleksandra I [History of Finland. Time of Alexander I]. SPb., 635 p. [in Russian]
- Borodkin, 1915 – Borodkin M.M. (1915). Istoriya Finlyandii. Vremya Nikolaya I [History of Finland. Time of Nicholas I]. Pg., 716 p. [in Russian]
- Brems, 1971 – Brems H. (1971). Great-Power Tension and Economic Evolution in Finland since 1809. *Journal of Economic Issues*. Vol. 5., no. 4, pp. 1-19.
- Imperator Aleksandr I..., 1896 – Imperator Aleksandr I i graf Armfel't, 1811–1812 gg. [Emperor Alexander I and count Armfelt, 1811–1812]. *Russkaya starina*. 1896, no. 10, pp. 139-157. [in Russian]
- Kalleinen, 2018 – Kalleinen K. (2018). “Finlyandiya dolzhna byt' spasena ot polnogo unichtozheniya!” – Robert Khenrik Rebinder kak zashchitnik interesov Finlyandii v Sankt-Peterburge v 1811–1841 gg. [“Finland should be saved from the total destruction!” – Robert Henrik Rebinder as the

defender of Finland's interests in Saint-Petersburg in 1811–1841]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni*. No. 18–2, pp. 53–65. [in Russian]

Kappeler, 2000 – *Kappeler A.* (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya [Russia – multinational empire]. M., 344 p. [in Russian]

Klinge, 2005 – *Klinge M.* (2005). Imperskaya Finlyandiya [Imperial Finland]. SPb., 614 p. [in Russian]

Kyaivaryainen, 1965 – *Kyaivaryainen I.I.* (1965). Mezhdunarodnye otnosheniya na Severe Evropy v nachale XIX v. i prisoedinenie Finlyandii k Rossii v 1809 g. [International relations in the Northern Europe in the beginning of the 19th century and the joining of Finland to Russia in 1809]. Petrozavodsk, 282 p. [in Russian]

Lincoln, 1975 – *Lincoln B.W.* (1975). The Ministers of Nicholas I: A Brief Inquiry into their Backgrounds and Service Careers. *Russian Review*. Vol. 34, no. 3, pp. 308–323.

Mironenko, 1989 – *Mironenko S. V.* (1989). Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX v. [Autocracy and reforms. Political struggle in Russia in the beginning of the 19th century]. M., 240 p. [in Russian]

Potapova, 2017 – *Potapova N.D.* (2017). Tribuny syrykh kazematov. Politika i diskursivnye strategii v dele dekabristov [Speaking from their cells: discourse and political strategies of the Decembrists]. SPb., 416 p. [in Russian]

Rakhikainen, 2017 – *Rakhikainen M.* (2017). Khel'sinki (Gel'singfors) v zerkale imperskogo Sankt-Peterburga [Helsinki (Helsingfors) in the mirror of imperial Saint-Petersburg]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noi istorii*. Vol. 1, no 1, pp. 52–71. [in Russian]

Rintala, 1976 – *Rintala M.* (1976). Review. The Political History of Finland 1809–1966 by L. A. Puntala and David Miller. *Journal of Baltic Studies*. Vol. 7, no. 2, pp. 195–197.

Roginskii, 1978 – *Roginskii V.V.* (1978). Shvetsiya i Rossiya. Soyuz 1812 goda [Sweden and Russia. Alliance of 1812]. M., 173 p. [in Russian]

Roginskii, 2012 – *Roginskii V.V.* (2012). Bor'ba za Skandinaviyu. Mezhdunarodnye otnosheniya na Severe Evropy v epokhu Napoleonovskikh voyn 1805–1815 gg. [Struggle for Scandinavia. International relations in the Northern Europe in the era of Napoleonic Wars 1805–1815]. M., 516 p. [in Russian]

Ryan, 1964 – *Ryan A.* (1964). Review. Finland in European Politics in 1809–1815 by Päiviö Tommila. *English Historical Review*. Vol. 79, no. 313, pp. 869–870.

Shilovskii, 1903 – *Shilovskii P.* (1903). Akty, odnosyashchiesya k politicheskomu polozheniyu Finlyandii [Acts relating to political situation in Finland]. SPb., 145 p. [in Russian]

Suni, 2012 – *Suni L.V.* (2012). General-gubernator A. A. Zakrevskii. Vstrecha s Finlyandiei [General-governor A. A. Zakrevsky. Meeting with Finland]. *Grani sotrudnichestva: Rossiya i Severnaya Evropa. Sbornik nauchnykh statei*. Petrozavodsk, pp. 133–144. [in Russian]

Suni, 2013 – *Suni L.V.* (2013). Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe (pervaya polovina XIX v.). Stanovlenie avtonomii [Grand Duchy of Finland (first half of the 19th century). Making autonomy]. Petrozavodsk, 137 p. [in Russian]

Suni, 2018 – *Suni L.V.* (2018). Rets. na kn.: Kalleinen K. Suuriruhtinaskunnan etuvartiossa: ministerivaltiosihiteeri R. H. Rehbinder Suomen etujen puolustajana Pietarissa 1811–1841. Helsinki: SKS, 2017. 308 s. [Review on book: Kalleinen K. Suuriruhtinaskunnan etuvartiossa: ministerivaltiosihiteeri R.H. Rehbinder Suomen etujen puolustajana Pietarissa 1811–1841. Helsinki: SKS, 2017. 308 s.]. *Al'manakh severoevropeskikh i baltiiskikh issledovaniï*. No. 3, pp. 459–462. [in Russian]

Timchenko, 2015 – *Timchenko K.V.* (2015). Ot Vyborgskoi provintsii do Finlyandskoi gubernii: pervye shagi inkorporatsii finlyandskikh zemel' v sostav Rossii [From Vyborg province to Finland guberniya: first steps of incorporating Finnish land into Russia]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 163–166. [in Russian]

Vandal', 1910 – *Vandal' A.* (1910). Napoleon i Aleksandr I: Franko-russkii soyuz vo vremya Pervoi imperii. T. 1. Ot Til'zita do Erfurta [Napoleon and Alexander I: Franco-Russian alliance in the times of First Empire. Vol. 1. From Tilsit to Erfurt]. SPb., 534 p. [in Russian]

Vernadskii, 1925 – *Vernadskii G.V.* (1925). Gosudarstvennaya ustavnaya gramota Rossiiskoi imperii 1820 g. [State charter of the Russian Empire in 1820]. Praga, 279 p. [in Russian]

Vyskochkov, 2003 – *Vyskochkov L.V.* (2003). “Ostav'te finnov v pokoe”: Imperator Nikolai I i Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe [“Leave the Finns alone”: Emperor Nicholas I and the Grand Duchy of Finland]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy. Materialy IV ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, SPb., pp. 44–52. [in Russian]

Vyskochkov, 2004 – *Vyskochkov L.V.* (2004). Finlyandskii general-gubernator Arsenii Andreevich Zakrevskii (1823–1831) [Finnish general-governor Arsenii Andreevich Zakrevsky (1823–1831)]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy. Materialy V ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, SPb., pp. 18–31. [in Russian]

Yussila i dr., 2009 – *Yussila O., Khentilya S., Nevakivi Yu.* (2010). Politicheskaya istoriya Finlyandii, 1809–2009 [Political history of Finland, 1809–2009]. M., 471 p. [in Russian]

Yussila, 2009 – *Yussila O.* (2009). Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe, 1809–1917 [Grand Duchy of Finland, 1809–1917]. Helsinki, 844 p. [in Russian]

Внешнеполитический контекст процесса интеграции Финляндии в состав Российской империи

Михаил Сергеевич Белоусов ^{а, *}, Ясын Сахиб оглы Абдуллаев ^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья посвящена важному элементу политики российского самодержавия в этноконфессиональной области – присоединению Великого княжества Финляндского и инсталлированию основ его автономного управления в составе России. Начиная с дореволюционного периода, российская историография была склонна приписывать либеральное отношение к Финляндии особенностям общественно-политических воззрений императора Александра I, якобы планировавшего в определенный период своего царствования распространить конституционные порядки на всю страну. В отличие от отечественных историков, западные специалисты интерпретируют развитие финляндского курса царизма как результат сложившейся на тот момент международной обстановки. Авторы настоящего исследования предприняли попытку подвести итог данной дискуссии. Они приходят к выводу, что дарование Финляндии значительной доли политической самостоятельности проистекало из желания имперского правительства максимально стабилизировать ситуацию на северо-западных границах в преддверии крупномасштабного конфликта с наполеоновской Францией. Точно так же, как и во время русско-шведской войны 1808–1809 гг., внешнеполитические обстоятельства определяли политику самодержавия в Финляндии и после ее окончания. Именно в этом контексте стоит рассматривать процесс включения в состав Финляндии Выборгской губернии и обустройство столичного Гельсингфорса. Влияние внешнего фактора на действия властей в регионе сохранялось, хотя и меняло свое содержание – от союза со Швецией к боязни проникновения революционной угрозы с Запада и борьбе с европейской прессой. Назначение А.А. Закревского, как показано в статье, было непосредственным следствием распространения «шпиономании» в правительственных кругах.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, Российская империя, Александр I, национальная политика, международные отношения, автономия, конституция, русско-шведская война 1808–1809 гг.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m.belousov@spbu.ru (М.С. Белоусов)